

Кинодраматург Анатолий Гребнев:

«ЖИВЕМ в перевернутом МИРЕ»

Ненавижу перечни — они ничего не объясняют. И все же перечисляю — уж больно красив этот даже неполный список фильмов, к которым Анатолий Гребнев писал сценарии: «Июльский дождь», «Старые стены», «Дневник директора школы», «Частная жизнь», «Утренний обход», «Успех», «Время желаний», «Прохиндиада...». Всего около тридцати. Список этот доказывает главное: мы беседуем с мастером.

— Анатолий Борисович, признаюсь, среди ваших картин я не назвал ленту «Карл Маркс. Молодые годы», за участие в которой вы были удостоены Ленинской премии. Подумал: может быть, вы сегодня стесняетесь этой картины?

— Нет. Не стыжусь. Просто исторический фильм, как я понял, не моя стезя. Может быть, не хватает воображения... Мне трудно описывать жизнь, которой я не видел, не ощутил физически... Вот Маркс носил трость. Как он ее носил? Я не знаю. Рождаются осязательные условности, которое мне очень мешает. Вот и все.

— Не секрет, что сегодня само имя Маркса вызывает у людей весьма разные мысли. Изменилось ли ваше отношение к Марксу с того времени, когда вы, работая над сценарием, изучали его труды, его жизнь?

— Нет, не изменилось. Помните, Пастернак писал, что Маяковского у нас насаждали, как картошку при Екатерине? Что ж говорить о Марксе, которого у нас обожествили и опошили. Его именем клялись люди, не державшие в руках «Капитала». А как у нас преподают марксизм! А каким сухонным языком написаны официальные биографии! Ведь нет ни одной книги, доступной нормальному читателю. В то же время на Западе за последние 20—30 лет создана потрясающая литература о Марксе. Если бы только перевести и издать у нас ну, скажем, фон Крозига «Женни Маркс. Жизнь и страдания в тени Карла Маркса». Граф Шверин фон Крозиг — внучатый племянник Женни Маркс, обладатель ее семейного архива. Был министром финансов в правительстве Гитлера, осужден нюрнбергским трибуналом к шести годам, написал в тюрьме шесть книг, в том числе и эту... Интересно? А «Психология Маркса» Кюнцли? Да множество — и философских, и биографических, но все, увы... Не с наших позиций. «Не с наших позиций» прочли Маркса социалисты в Швеции, Финляндии, Австрии, где обеспечены и уровень жизни, и права трудящихся... Что это: марксизм или немарксизм? Мы очень мало знаем и легко судим.

Вы мне возразите, что Маркса по-своему прочли и Сталин, и Мао Цзэдун, и ныне здравствующие диктаторы, чьи имена воздержимся здесь произносить, чтобы не осложнять отношений. Да, бесспорно. И им тоже есть на что опереться в марксовом идейном наследии. Но, повторяю, все это требует серьезных исследований, а не эмоциональных всплесков, обратной реакции: мол, если вчера так, то сегодня обязательно наоборот! Эта «обратная реакция», которой все мы подвержены, — штука вообще опасная. Когда она овладевает людьми, можно ждать всего. Массовые ниспровержения кумиров, которым

еще вчера дружно поклонялись, — явление того же порядка, что и сотворение кумиров. И в том, и в другом случае люди ослеплены.

— Это естественно, что от Маркса мы перешли к делам сегодняшним. Куда ж от них денетесь? Только знаете, Анатолий Борисович, как-то не могу я требовать взвешенных оценок от людей, которые после тяжелого рабочего дня едут в переполненных автобусах, мечутся в поисках продуктов. Не духовных, заметьте, а сугубо материальных...

— По крайней мере, интеллигенция — та часть общества, которая претендует на эту роль, — должна стоять на позиции знания, не терять рассудка и, во всяком случае, ответственно относиться к сказанному слову, предвидеть его последствия, так я думаю.

— Сегодня о роли интеллигенции спорят много, как никогда. Между тем в любом споре сначала нужно договориться о терминах. А что такое интеллигенция с вашей точки зрения?

— Нельзя понимать это слово в узко-профессиональном смысле. «Образованщина» тут ни при чем. Не правда ли, меткое словечко пущено в оборот Солженицыным! «Образованщина»! Настоящую интеллигенцию нам еще предстоит возродить. И она возрождается. Она уже сказала свое веское слово в эти пять лет перестройки, став ее мозговым центром, разве не так?.. Когда я слышу с трибуны или с телеэкрана жалобы на то, что вот, дескать, избрали в Верховный Совет или в городской Совет лишь малый процент рабочих, крестьян, большинство — инженеры, ученые, журналисты, куда это, мол, годится, я думаю: а кто эти ученые? Остатки «эксплуататорских классов»?

Да это представители трудового народа, дети и внуки тех, кто стоял у станка, если, конечно, пользоваться старой классификацией. Но лучше ею не пользоваться. Вот, кстати, пример того, как догматический марксизм еще тяготеет над сознанием. Ученая, мыслящая — не знаю, как еще назвать — часть общества действительно взяла на себя авангардную роль в нашей сегодняшней политической жизни.

— А вы полагаете, что, если ситуация в стране резко изменится — а это, увы, нельзя исключить, — новый «авангард» подстроится и под новые обстоятельства?

— Вы это серьезно или для поддержания полемики? Я имею в виду людей содержательных, делом доказавших приверженность перестройке, а не тех, кто старается бежать вперед прогресса. Кстати, наш Президент, которого я бесконечно уважаю, тоже вышел не из диссидентов, а из секретарей крайкома партии. Признаюсь, я с некоторой долей скепсиса отношусь к суждению о том, что у него была четкая концепция перестройки. Если она и была в 1985 году, то претерпела огромные изменения. И я не ставлю этого в вину Горбачеву. Он вместе с нами проходит этот путь. Все мы

вышли из прошлого — это его слова. Я думаю, перебирая события этих лет, что произошло некое встречное движение, когда «верхи», начав перестройку, разбудив какие-то силы в обществе, в «низах», дальше должны были уже и сдерживать напор, и отступать под давлением тех же разбудивших сил... Свободу нам никто не подарил в красивой упаковке. Свободу не получают в подарок. Подумайте, еще четыре года назад академик Сахаров был в ссылке. Два года назад, даже чуть меньше, секретарь ЦК КПСС, ведающий идеологией, заявил во всеуслышание на пресс-конференции, что о публикациях Солженицына в нашей стране не может быть и речи. В том же 1988 году наш Союз кинематографистов на свой страх и риск устроил в Доме кино большой вечер, посвященный Солженицыну, его 70-летию. За этим «несанкционированным» началом последовало продолжение.

С гордостью скажу: наш V съезд, прошедший в мае 1986 года, был первым, в то время беспрецедентным и неожиданным взрывом «низов», когда именно снизу, волеизъявлением большинства было смещено прежнее руководство Союза кинематографистов, выбрано новое, сняты с полки более 100 фильмов, отменена сама система запретов. Другое дело, что желанная свобода не сделала лучше нас самих. Имею в виду, конечно, не только кинематографистов. Но это отдельный вопрос.

— Мимо которого нам все равно не пройти...

— Видите ли, все чаще я думаю: почему же при всем том так дурна наша сегодняшняя реальная жизнь, и не только в сфере материальной, и прихожу к выводу, что самым тяжелейшим наследием прошлого было и остается катастрофическое падение нравов. Это то, что не исправится никакими реформами. Это всеобщее озлобление, нетерпимость. То, что буквально в воздухе...

— И я снова вспоминаю нашего несчастного человека, который, сойдя с подножки переполненного автобуса, становится в очередь...

— Не надо все сваливать на отсутствие колбасы...

В войну мы тоже жили несладко. Главное все-таки фактор моральный. Буквально все последние дни я спорю с друзьями и знакомыми по поводу двух наших следователей-депутатов, наделавших столько шума. Мое отношение к Гдяну и Иванову: я им не симпатизирую. И меня прямо-таки пугает то единодушие, с каким все вокруг, в том числе и люди творческого труда, интеллигенты (вернемся опять к этому слову), готовы броситься на их защиту, видя в них только борцов с мафией и не слыша, пропуская мимо ушей факты допущенных ими произвола и беззакония. Я не беру всего остального, одна только история с эстонским профессором Хинтом, старым человеком, который годы просидел безвинно

и которого следователи не отпустили даже попроситься с умершей женой, более того, скрыл факт ее смерти, — да одно это должно заставить содрогнуться! Ничего подобного...

Как же должны были огрубеть наши сердца, сместиться критерии добра и зла, чтобы героем дня, народным избранником и кумиром стал человек из прокуратуры, следователь! И это в нашей стране, так много пережившей!

— Анатолий Борисович, извините, я вас перебыю. Думаю, что нет смысла нам сейчас спорить об этом деле — тем более что Верховный Совет уже вынес свой вердикт. И все же должен высказать и свою позицию. Беда, мне кажется, в том, что закон наш применяется как-то избирочно. Недавно из «Литературы» мы узнали, как «стражи порядка» избили сына писателя Юрия Кредина, ни за что поколечили мальчишку. Эти люди остаются безнаказанными... Таких примеров, увы, немало.

— Мне довелось присутствовать на одном из процессов по так называемому ростовскому делу, потом в связи с работой над сценарием фильма «Процесс» (его поставил режиссер А. Симонов) изучал подробнейшим образом «дело Трегубова» и другие подобные дела о взятках и смею утверждать, что тут не так все просто и ясно с точки зрения правовой: есть поводы для сомнений.

Вот только один пример. У нас действует примечание к статье 174 Уголовного кодекса: человек, добровольно заявивший о даче им взятки другому лицу, освобождается от уголовной ответственности. Казалось бы, справедливо и гуманно. Но!.. Оказывается, какой простор для фабрикаций дел следователями. Напишешь «добровольное признание» — вот тебе перо, бумага — и ступай с миром домой, к жене и детям. А не напишешь — пеняй на себя. И люди ломаются, оговаривают других. Я сталкивался со многими подобными случаями.

А так называемые «пресс-камеры», о которых вы, наверное, читали. Человек сажает к матерым уголовникам, и через день он готов подписать все что угодно. А сам факт содержания в тюрьме без суда и год, и два, и три!.. Ведь это все факты нашей жизни. Не могу не сказать и о политической стороне деятельности Гдяна и Иванова. Я считаю, что для следователей-профессионалов недопустимо оперировать информацией на уровне подозрений и намеков, бросая в возбужденную толпу громкие имена. Мне кажется, профессия эта — не для митингов. Мы живем в перевернутом мире, где, видите, так легко завоевать популярность! Но хоть вы-то, интеллигентные люди, не участвуйте в этих играх! Поймите, что значит в наше время подогревать страсти. Побуждать людей к самому простому и бесплодному, что мы уже проходили, — поискам «врага», будь то хитрый коррупционер или ловкач-кооператор, без разницы, как нам уже объявил секретарь Краснодарского крайкома товарищ Полозков. Он смеялся всех в одну кучу. Чего же ждать от рядового обывателя?

— Мне тоже поведение самых знаменитых у нас в стране следователей совсем не симпатично, но иногда я думаю: не от отчаяния ли они так себя ведут? Может быть, дело в том, что им не дали гласно высказать те аргументы, которые у них есть?.. Однако время нашей беседы подходит к концу, а мы еще не говорили о кинематографе. Сегодня, когда в кино правит рубль, молодым пробиться стало практически невозможно...

— Да, конечно. Это трудная проблема, она существует во всем мире. Вспомним, что знаменитый Лелюш, прежде чем снять «Мужчину и женщину», выпустил пять картин, которые провалились, разорил отца и только после этого, на шестой раз, добился успеха...

— Пример с Лелюшем, признаться, не очень вдохновляет. Во-первых, у нас и отцов таких мало, которых можно было бы разорять; а самое-то главное: что ж делать, товарищ секретарь Союза кинематографистов?

— Нужна четкая программа, дающая молодым талантам реальный шанс пробиться. Я бы тут особенно позаботился о кинодраматургах. У режиссеров худо-бедно есть объединения «Дебют» и «Старт» на «Мосфильме», аналогичные мастерские на других студиях. А сценаристы совершенно незащищены. В условиях коммерциализации пробиться с первым сценарием, да просто заставить, чтобы его прочли, — почти невозможно. От этого страдают не только сами люди, но и кинопроизводство в целом. Мало свежих идей. Кризис содержания. И это сейчас — когда можно все!

Я вспоминаю годы недолгой оттепели, конец 50-х. Тогда был проведен Всесоюзный конкурс на лучший киносценарий, и никому в ту пору не известный сценарист Иосиф Ольшанский получил первую премию, а Лев Кулиджанов и Яков Сегель сняли прекрасный фильм «Дом, в котором я живу». Может быть, сейчас наступает время аналогичных конкурсов? Они бы очень помогли. Мой коллега Александр Гельман подал однажды прекрасную идею, я с ней все время ношу, но пока безрезультатно. Объявить конкурс сюжетов. Бросить клич: присылайте сюжеты и интересные истории. То, что было с вами, то, что слышали от других, или просто сочинили. Две странички: начало, середина и конец. Победителям — премии. — Может быть, прочтас об этой идее в «Собеседнике», найдутся благородные спонсоры, готовые ее поддержать. — Дай-то бог.

Вел беседу
Андрей Максимов.

